

Часть первая

ГЛАВА 1

Свет софитов, вспышки фотоламп, плотный воздушный поток от вентилятора... Евгения в купальнике, руки, словно крылья, разведены в стороны, а искусственный ветер поднимает и развеивает ее волосы. Щелчок фотокамеры, другой. Смена положений. Профиль, анфас, три четверти, пол-оборота...

— Отлично, Женька! Молодец!

Олега Коготкова не узнать. В школе он был тюфяком и тихоней, а сейчас просто хват. Крашенные волосы, нарочито небрежный, но тщательно продуманный стиль в одежде, резкие стремительные движения. За словом далеко не ходит, взгляд шельмовской, но вместе с тем обаятельный. И улыбка такая, что просто сил нет ответить «нет»...

— А теперь давай топлес! — не отрываясь от фотокамеры, попросил он.

И уверенным движением руки показал, что ей необходимо избавиться от верхней части бикини.

— Чего?

— Женька, ты меня удивляешь! Ты актриса, и не знаешь, что такое топлес. В переводе с английского это значит обнаженная грудь...

— Да хоть с парагвайского. Мы с тобой, Олежа, так не договаривались.

— Значит, договоримся... Женька, я же знаю, ты не можешь меня разочаровать.

— Очень даже могу.

— Ну ладно меня, а публику? Поверь, люди с нетерпением ждут твоего фото в нашем журнале. Ждут и не дождутся...

Олег надул губки, выкатил глазки — как будто выражал недовольство от имени всех читателей своего журнала.

— Врешь ты все, никто никого не ждет. Народ про меня не знает...

— Так узнает!!! Ты же актриса, Женька! Для тебя же популярность, что для младенца молоко матери!

— Популярность популярности рознь.

— Женька, не будь занудой! У тебя творческая профессия, у тебя должна быть фантазия. Ты себе только представь, увидит какой-нибудь знаменитый режиссер твой топлес на обложке, узнает, что ты актриса, и пригласит в свой новый фильм, где главная героиня должна раздеться перед камерой до пояса... Или ты в таких фильмах никогда не будешь сниматься?

— Ну, если пригласят... — замялась Евгения.

Олег преувеличивал, называя ее актрисой. Она всего лишь окончила второй курс театрального училища, ей еще учиться и учиться. Но, по сути, он прав: для того чтобы сняться в кино, диплом совсем не обязателен. Это в театр не возьмут, а в кино — пожалуйста. Если, конечно, удача улыбнется. А улыбается она смелым...

— Пригласят, пригласят... А ну-ка, покажи народу свой топлес!

Он уже не просил, а требовал, как будто вопрос был решен окончательно.

— И в бикини хорошо... — не сдавалась она. — Знаешь, почему бикини так называется?

— Не в тему, — поморщился Олег.

Томится душенька на зоне

— Как раз в тему! Бикини — это остров такой коралловый. На нем первую атомную бомбу испытали. И женщина в бикини должна восприниматься как взрыв ядерной бомбы, понял?

— Ты, конечно, и в бикини секс-бомба. Но максимум на сто килотонн. А нужна как минимум мегатонна. Давай, Женька, взорвем пипл к чертям собачьим!

— Ты и мертвого уговоришь...

Все-таки не выдержала она его натиска. Избавилась от верхней части купальника, явила объективу свой высокий и упругий третий размер.

— Умничка... Выгни спинку, повернись ко мне боком...

Олег сделал не меньше двух десятков снимков, прежде чем успокоился и попросил ее одеться.

— А напрасно, напрасно! Я бы такую диву так просто не отпустил!

Олег и сам вздрогнул, когда, распахнув приоткрытую дотоле дверь, в студию вошел чернявый парень лет двадцати. Бейсболка задом наперед, ослепительной и какой-то объемной белизны тенниска, джинсовые шорты. Лицо треугольное — очень широкий лоб, но слишком узкий подбородок, глазки маленькие вертикальные — этакие блестящие черные бусинки. Неприятная улыбка самодовольного человека.

— Адам, ты? — на облегченном вздохе наигранно перекрестился Олег. — Как ты сюда попал?

— Дверь закрывать надо... Вы так были заняты... И как зовут это милейшее создание?

Он смотрел на Евгению с видом работорговца, оценивающего качество живого товара. Наглый, самоуверенный и просто омерзительный. Она бы не удивилась, если бы он попросил ее раздеться догола.

Олег уже понял, что Евгения не хочет говорить с этим выскочкой. И ответил сам:

— Женя ее зовут.

— Да это я знаю, слышал, как ты ее называешь...
А почему она сама не отвечает?

— А кто ты такой, чтобы тебе отвечать? — пренебрежительно фыркнула она.

— Олежа, где ты такую киску откопал? — весело, но с истеричной ноткой в голосе спросил Адам.

— Откопали тебя, ископаемое!

Парень стоял у нее на пути, и Евгения едва удержалась от желания толкнуть его. Она всего лишь его обошла и скрылась за ширмой.

— Ой-ой-ой! Какие мы важные!

Она не стала менять жестковатый купальник на более мягкое белье. Побоялась, что Адам нагло нарушит ее уединение. Поэтому, быстро сдернув лифчик, сразу же надела кофту.

Когда она вышла из-за ширмы, его в студии уже не было. Олег же смотрел на нее с виноватой улыбкой.

— Ты на него не обижайся, его иногда клинит. Особенно на красивых девушках. А ты супер, это я тебе говорю... Мне за твои фото премия полагается, как только получу, так сразу тебя в кафе приглашу, хорошо?

— Хорошо. Пойду я.

— Иди. И ни о чем не жалея... Как только первый режиссер позвонит, я сразу тебе дам знать...

— Шутник.

Мало знать себе цену, надо, чтобы еще и мнение других ее подтверждало. Евгения знала, что хороша собой, она пользовалась успехом у парней. И даже у фотографов. Неважно, что Олег был ее одноклассником. Он сам упросил ее сняться для журнала, на который работал. Красивая, фотогеничная и даже одухотворенная, как он говорил, девушка. Ей льстило его мнение. И хотелось бы, чтобы ее действительно заметили и

Томится душенька на зоне

пригласили сниматься в кино... Наверное, так оно и будет. Ведь не зря же она раздевалась почти догола. Смелость должна быть вознаграждена...

В студии было просторно и светло, но чтобы оказаться на улице, нужно было пройти по длинному и гулкому коридору с позеленевшими от сырости стенами. Липкий полумрак, влажный воздух, насыщенный, казалось, холодящими щупальцами клаустрофобного кошмара... Евгения и близко не чувствовала страха, когда шла в студию к Олегу. Но сейчас ей было не по себе. Исчезнувший Адам, казалось, вот-вот выскочит из темной ниши в стене, как черт из табакерки, набросится, собьет с ног...

Но страхи оказались напрасными. Девушка благополучно вышла на залитую солнечным светом площадку перед старым, дореволюционной постройки зданием. Рядом шумела улица — машины, пешеходы.

Все куда-то спешат — едут, полубегут. Никому нет дела до Евгении, и она тому только рада. Скорей бы влиться в общий поток, добраться до станции метро, без пересадок доехать до родных Сокольников. Родители сейчас на работе, можно ходить по квартире хоть голышом, хоть на руках вверх тормашками, никто слова в назидание не скажет... Впрочем, голышом она уже находилась. Фотосессия в стиле топлес. Да и одета Евгения была довольно смело. Белая шелковая кофта с лентами длиной чуть ниже пояса, темно-синие лосины, босоножки на шпильке. Кофта не прозрачная, но если присмотреться, можно догадаться, что под ней нет лифчика. И кажется, кое-кто к этому присматривается... Адам?!

Евгения вздрогнула, увидев его. Парень стоял в толпе, как на островке посреди реки, люди обходили его, он был для них инородным телом, но ему все равно, что про него думают. Он смотрел на нее сквозь плу-

товской прищур продувных глаз. В руке мороженое, самое обыкновенное эскимо в обертке из фольги.

— Хочешь? — спросил он, бессовестно глядя на выпуклости под лентами ее кофты.

— Что «хочешь»? — возмущенно спросила Евгения.

— Ну, эскимо.

— Нет.

— А зря. Девочки любят эскимо. На палочке.

— И мальчики любят. Скакать. Верхом на палочке... Скакал бы ты отсюда.

— Злишься? — безмятежно, с терпением ратника, осадившего крепость, спросил он.

— Злятся на тех, кто хоть что-то собой представляет, — пренебрежительно усмехнулась она.

Евгения попыталась обойти его, но Адам схватил ее за руку.

— Я сейчас закричу! — вырвавшись, предупредила она.

— Да ладно тебе...

Он снова протянул к ней руку, но девушка оттолкнула его и направилась к станции метро. Она умела ходить на каблуках, поэтому шла быстрым шагом.

Из метро она выходила с чувством облегчения. Вроде бы привыкла к подземке, но всякий раз, когда она поднималась на поверхность, казалось, будто многотонная тяжесть сваливалась с плеч. Но далеко не всегда она встречала на пяточке у метро Никиту, родного брата своей школьной подруги.

Никита стоял возле напольной «рогатой» вешалки с простертыми к ней руками. Торжественное и даже в какой-то степени триумфальное молчание, патетичный, преисполненный неземным таинством взгляд. Глянув на него, Евгения чуть не прыснула со смеху, но ее остановила декларативная серьезность в его величественном облике. Молодой парень, дурацкая вешалка,

Томится душенька на зоне

на которую он взирал, как на икону. Ситуация абсурдная, нелепая и даже комичная, но не смешно...

Люди глазели на Никиту с недоумением. Кто-то посмеивался в ус, но до откровенного смеха дело не доходило. Если он хотел привлечь к себе внимание людей, то, похоже, добился этого. Дородная женщина в ситцевой косынке и бородатый мужичок с большими ушами — те и вовсе смотрели на него завороженно, как на божество. А он монументально и царственно молчал...

Никита был достаточно симпатичным для того, чтобы располагать к себе людей. Рослый, спортивного сложения, светловолосый, но даже зимой смуглый, как будто только-только закончился пляжный сезон. Черты лица не совсем правильные, нос излишне кривой, но это с лихвой компенсировалось его синими глазами и яркой белозубой улыбкой. Но больше всего девчонки млели, когда он начинал говорить. Бойкий язык, быстрая сообразительность при хорошей памяти. Глубокомысленное восприятие жизни при беспечном к ней отношении. И не зря он после школы поступил на философский факультет. Евгения не могла сказать, что знала его как облупленного, но могла голову отдать на отсечение, что номер с вешалкой — это очередной эксперимент, который затеял неугомонный Никита.

Она не стала отвлекать парня, равно как и приковывать к нему свое внимание. Мило улыбнувшись, она пошла дальше.

Адам ждал ее возле самого дома. Одной рукой он опирался о крышу черного «Мерседеса», другой зачем-то придерживал свой подбородок.

— О! Какие люди! — в притворном восторге протянул он.

— Откуда ты узнал мой адрес? — недоуменно спросила Евгения.

Она смотрела на его машину, не в силах оторвать от нее взгляд. В Москве много было «Мерседесов» и прочих иномарок, но все в основном подержанные, мало-презентабельные. А это был новенький, ослепительно сияющий лаком автомобиль. Через опущенное стекло передней дверцы была видна элегантная приборная панель и кожаные кресла. Девушка и представить не могла себя внутри столь роскошной машины...

— Какой адрес? — изобразил удивление Адам. — Просто здесь стою, подругу жду. Смотрю, ты идешь... Не идешь, а пишешь... Может, ну ее к черту, мою подругу, а? Поехали покатаемся? Смотри, какая тачка! Только-только из Германии, совсем новая, еще и года нет...

— Я с незнакомыми парнями не катаюсь.

Евгения поморщилась от собственных слов. Избитая фраза, заезженная. Лучше в машину сесть, чем такое говорить...

— Так ты же знаешь, как меня зовут. А я знаю, как тебя... Разве мы не знакомы? — насмешливо и свысока спросил он.

— Извини, мне домой пора, — неуверенно сказала она.

— Что ты там забыла?

— Мне заниматься надо...

— Чем?.. У тебя каникулы...

— Откуда знаешь?

— Знаю. Олежа сказал... Да и не ты одна такая. Сейчас у всех каникулы. И у меня тоже... Да, кстати, можно на море съездить, не хочешь?

— Не хочу.

— А зря. На машине, с ветерком, полторы тысячи километров туда, столько же обратно... Интересно будет, отвечаю.

Томится душенька на зоне

— Интересно, — кивнула Евгения. — Было бы. Если бы с кем-нибудь...

— А со мной?

— С тобой неинтересно.

— Почему?

Адам смотрел на нее раздраженно, даже со злобой. Но не отступал.

— Странный ты какой-то. Ну не нравишься ты мне, неужели непонятно?

— А машина моя?

— Машина у тебя красивая. Очень... Но при чем здесь твоя машина? — Она уже была близка к тому, чтобы засмеяться.

— У меня еще и квартира своя. На Софийской...

— И что?

— Ты дура или прикалываешься?

Если парень где-то учился, то наверняка в институте. Но изысканностью речи он явно не отличался. Грубый самовлюбленный болван. И его великолепная машина, и даже квартира на Софийской набережной не могли повысить градус интереса к нему. Евгения не хотела его видеть и повернулась к нему спиной.

Он сел в машину, чтобы ехать за ней, но девушка направилась к метро, чтобы скрыться от преследования. Правда, спускаться не стала. Ее внимание снова привлек Никита. Все такой же важный и величественный, он уже не молчал. Он глаголил.

— Люди! Слушайте и не верьте мне, жалкому рабу небес... Я не могу донести до вас истину, которую не в силах познать, поэтому что это глыба, недоступная для человеческого понимания. Я могу только, как вы, смотреть на это древо жизни... — он снова простер свои руки к «рогатой» вешалке, ритуально замер. — Попробуйте увидеть вокруг этого древа тихий в своей первозданной красе райский сад. Гляньте, какой глу-

бины небо над его роскошными ветвями. Посмотрите на это прекрасное яблоко... Дивный сад, сочное яблоко, тишь да гладь... Но слышите, слышите... Нет, это не ветер, это не шорох листвы, это ползет по шелковой траве змей-искуситель... Вы не видите здесь Адама и Еву...

Как человек не глупый, Евгения была уверена, что Никита несет осмысленную чушь. Но с каким видом он доносил ее до ушей своих слушателей и даже почитателей, к числу которых добавилась русская женщина в экзотическом кришнаитском дхоти. Его речь звучала как заклинания, завораживала, гипнотизировала. Евгения так заслушалась, что не увидела подкравшегося к ней Адама. Без Евы...

— Но вы должны мысленно представить, как Ева подходит к древу жизни, как срывает плод, как спускается к ней змей-искуситель... Это не просто древо жизни, это смысл нашего с вами существования, примитивный, но благообразный слепок с небесного таинства бытия...

Люди слушали Никиту с открытыми ртами. В какой-то момент Евгении показалось, что женщина-кришнаитка падет перед Никитой ниц. И ведь пала. Спустя какое-то время в религиозном экстазе она склонила колени перед «древом жизни», обняла разветвленную подставку, которую он называл не иначе как «корнями земного бытия». Когда к ней присоединилась баба в ситцевом платке и лопоухий мужичок, даже Никита понял, что пора сворачивать музыку. И Евгения, как оказалось, стала для него спасательным кругом.

— А вот и моя Ева! — ликующе помахал он ей рукой и, растолкав поклонников и сочувствующих, подошел к ней. — Пора есть яблоко!

Он взял ее под руку и вместе с ней широким шагом

Томится душенька на зоне

направился по тротуару. Вышли на дорогу, пересекли ее. Остановились только в сквере. Если не считать Адама, их никто не преследовал.

— Зачем ты бросил свою паству? — насмешливо спросила Евгения.

— Паству?.. Ты знаешь, не думал, что получится так быстро, — усмехнулся Никита. — Двух часов хватило, и уже небольшая, но толпа почитателей. Еще бы пару часов, почитатели перешли бы в разряд приверженцев, ну а от этого до слепого фанатизма один шаг...

— Зачем над людьми издеваешься?

— Это не издевка, это эксперимент... А это кто такой? — настороженно рассматривая нахохленного Адама, спросил он.

— Если я Ева, то это Адам, — усмехнулась она.

— А если серьезно?

— Если серьезно, то его так и зовут, Адам.

— Или это мистика, или я опиумом для народа обкурился...

— Лечиться тебе, парень, надо, — криво усмехнулся Адам.

— А в глаз? — напыжился Никита.

Его угрожающий вид подействовал на парня отрезвляюще. Адам предусмотрительно подался назад.

— Никит, ты бы сказал ему, чтобы проваливал, — попросила Евгения.

— Изydi, сатана! — внушительно громовым голосом произнес Никита и с вершины своего величия осенил его крестным знаменем.

— Мы еще поговорим! — шикнул на прощание Адам.

И направился к своему «Мерседесу».

— Кто он вообще такой? — снисходительно спросил Никита.

— Да пройдемце, ваше святейшее высочество, — усмехнулась Евгения.

— Если уже высочество, то еще не святейшее, — усмехнулся он.

— Но ты же к этому стремишься.

— Нисколько... Говорю же, эксперимент был...

Они неспешно направились в сторону парка. Лето, тепло, суета остались где-то позади, у станции метро, впереди приятная сень парковой зоны. И мороженое с Никитой неплохо было бы поесть, и на карусели показаться — почему нет?..

— Народ по натуре своей темный, на любую блажь может повестись. Хотел доказать, что на любую, кажется, доказал...

— Доказал, — улыбнулась она. — Если кришнаитку в свою веру обратил, то с остальными точно справился...

— Да нет, на кришнаитку-то как раз легче всего воздействовать. Если бы это был этнический социум, ну, индианка, впитавшая веру с материнским молоком, тогда можно было бы сказать без ложной скромности, что я великий миссионер. А это русская баба с пустой головой, в которую можно напихать все, что угодно. У нее нет корней, а хочется чего-то глубокого, вечного. Вот она и мечется. То Харе Кришна, то харя моей вешалке... Многие сейчас мечутся по жизни, не зная, к какому берегу прибиться. Любому поверят, кто красное словцо двинуть может... Вера людям нужна. Серьезная, основательная вера в Христа. Вера истины и вера предков. Вот это монолит, вот это основание, такой глыбы никаким красным словцом не сдвинешь... Я тебя еще не утомил?

— Ты диссертацию уже начал писать?

— Нет. А зачем?

Томится душенька на зоне

— Ну, кандидат философских наук — это же звучит.

— А мне одних звуков мало. Мне нужно так, чтобы в руках подержать... Нет, я, конечно, верю в платоническую любовь... Ничего, что я начал во здравие, а закончил про любовь?

— Я смотрю, настроение у тебя веселое? — задорно улыбнулась Евгения.

Никита был старше ее на два года. Видный парень, праздничный, юморной. Он ей нравился, но тем не менее влюбляться в него она не собиралась. Да и он, судя по всему, был далек от этого.

— Я бы сказал, божественно веселое, — улыбнулся Никита. И, спохватившись, спросил: — А куда мы идем?

— В парк. Куда ноги несут, туда и идем... Или домой пойдем?

— Домой? — задумался Никита. — А что там делать?

— Вот и я говорю, что там делать?

— На лодке бы хорошо покататься.

— Я «за»!

— Только давай за Катькой зайдем. Она ж меня убьет, если узнает, что мы без нее катались...

— Давай зайдем, — легко согласилась Евгения.

Она уже месяц не видела свою школьную подругу, хотя жили они неподалеку друг от друга.

Но Кати дома не было. И родителей тоже.

— Странно, была дома... А предки только вечером будут...

— У меня тоже дома никого нет.

— Но у тебя музыки такой нет, как у меня...

— И что у тебя за музыка?

— Если ты хочешь, то тяжелый металлический рок...

— Только этого не хватало!

— Тогда танцевальная. «Ace Of Base», тебе понравится... Как насчет выпить?

— Ты меня уже и спаиваешь? — развеселилась Евгения.

Она сто раз была в этой квартире и даже сейчас, без Кати, чувствовала себя здесь как дома.

— Ну, если ты от кофе запьянеешь, тогда да...

— Только кофе? А покрепче?

— Есть и покрепче. Коньяк. Но, во-первых, мне самому мало будет...

— А во-вторых?

— И во-вторых, тоже будет мало. Нам двоим будет мало. А так хоть кому-то будет более-менее...

— Тебе?

— Ну не тебе же...

Никита сварил кофе, подал его в гостиную на журнальный столик. Включил музыкальный центр.

— Ты жадный? — задорно спросила Евгения.

Нравился ей Никита. Легко с ним, свободно и очень интересно. И выпить она вовсе не хочет... Но так интересно было бы выманить у него два по пятьдесят потаенного коньяка. Вот что значит заинтриговал.

— Нет, я само бескорыстие.

— Тогда коньяк почему зажал?

— Видишь ли, спиртное оказывает негативное воздействие на женскую печень.

— Да что ты говоришь!

— Что есть, то и говорю... — с очень серьезным видом кивнул он. — И вообще...

Он, казалось, нарочно потянул паузу, провоцируя Евгению на подстегивающий вопрос.

— Что «вообще»? — не выдержала она.

— Поверь, женщины очень заблуждаются в том, что алкоголь раскрепощает не только их самих, но сек-

Томится душенька на зоне

суальность, которой они обладают. И я имею в виду не только сексуальную привлекательность, но и сексуальное влечение, которого женщинам порой так не хватает в общении с мужчинами...

— Что ты несешь? — благодушно возмутилась она. — Какое сексуальное влечение?

— Я говорю не про тебя, в частности, а вообще, — назидательно глянув на нее, менторским тоном сказал он.

Ни дать ни взять профессор сексуальных наук... Евгении было смешно и при этом жуть как интересно...

— И что вы хотели сказать мне вообще?

— Глупо, очень глупо рассчитывать на алкоголь в своем стремлении повысить свое сексуальное влечение.

— Это вы обо мне или в частности?

— И о тебе тоже, — не моргнув глазом кивнул он. — Ты, например... Нет, обойдемся без примеров. Будем говорить беспристрастно и начистоту. И если тебе неинтересно, подними руку и подай мне знак, что ты не хочешь меня слушать...

Евгения даже не шелохнулась. Во-первых, она была заинтригована. Во-вторых, она не боялась откровений, потому что они исходили от человека, которому можно было доверять. В-третьих, Никита так заворочил ее звучанием своего голоса, что ей лень было отрывать руку от подлокотника дивана.

— Ты знаешь меня давно, между нами ничего не было и быть не могло. Но ты красивая девушка, я симпатичный парень. Мне двадцать один год, тебе девятнадцать. У тебя были мужчины, у меня были женщины. Мы оба знаем, что такое секс...

Она даже не пыталась это отрицать. Первый раз это случилось на студенческой вечеринке в Татьянин день,

еще в прошлом году. Игорь ей просто нравился, но уступила она ему только потому, что изрядно набралась... Так что Никита был вдвойне прав. И опыт у нее был, и коньяк действительно вызывает у женщин сексуальное влечение. А потому как он прав, слушать его необычайно интересно...

— Но мы с тобой находимся во власти стереотипов, — авторитетно продолжал он. — Ты для меня подруга сестры, я для тебя брат твоей подруги. Между нами ничего не может быть...

— Почему? — замороженно спросила она.

— Вот я и спрашиваю, почему? — серьезно и важно посмотрел на нее Никита. — И ты это спрашиваешь. У себя. И в поисках ответа ты думаешь об алкоголе, который бы раскрепостил тебя, помог бы найти ответ на твой, и наш, в частности, вопрос... В чем загадка женской психологии? Я много думал над этим вопросом, но не могу утверждать, что дошел до сути. Но все же кое-что я понял... Мужчины не боятся секса, они смело идут навстречу своим желаниям. Почему? Потому что природа не позволит им забеременеть. Другое дело женщины, они сто раз подумают, прежде чем лечь с мужчиной. Хотя, казалось бы, цивилизация позаботилась о способах искусственного предохранения... Вот смотри!

Спокойно, без суеты и похотливых излишеств во взгляде Никита достал из кармана красный пакетик с резиновым изделием. И надо же, она даже не возмутилась. Как будто так и должно быть, как будто иначе — противоестественно.

— Простой и стопроцентный способ избежать неприятностей. Но даже он сдерживает женщину в своих желаниях. И даже если мужчина нравится ей, она все равно не может раскрепоститься. Потому что женская психология заложена в ней самой природой. Секс для

Томится душенька на зоне

нее святое, потому что за ним следует таинство рождения ребенка. А секс ради удовольствия — это греховность, вызывающая чувство стыда. Но это чувство можно заглушить алкоголем, поэтому женщина к нему и тянется... А не надо ничего глушить. На самом деле в сексе нет ничего греховного. Если это чистый секс, если по взаимному согласию, если нет страха за будущее... Или ты думаешь, что секс — это грех?

— Если заниматься им на ветвях твоего «древа жизни», то, возможно, да, — в шутку сказала она.

— Мое «древо жизни» осталось у станции метро, — улыбнулся он. — А мы здесь, на диване. И оба хотим друг друга...

— Ты в этом уверен?

— А ты?

— Не знаю...

Никита был убедителен до помутнения рассудка. И он действительно был хорош как мужчина. Загораживающие нотки в его голосе ласкали слух, и Евгения чувствовала, что хочет большего. А он мог ласкать и нежить не только словом... У него были женщины, у нее мужчины, они оба знают, что такое секс. И почему они должны чего-то стесняться? Что естественно, то не безобразно.

— А я знаю, что между нами нет препятствий. И алкоголь не нужен, чтобы их разрушать... Расслабься, закрой глаза и почувствуй, как желание наполняет твое тело...

Евгения закрыла глаза. И почувствовала, как наливается соком. Она была пьяна и без коньяка... Никита мягко обнял ее за плечи, ласково привлек к себе. Он мог делать с ней все, настолько она была возбуждена...

— Может, все-таки по пять капель? — неожиданно и совсем другим, земным каким-то голосом спросил он.

— Можно, — кивнула она, чувствуя, как уходят чары.

Он поднялся, достал из серванта початую бутылку «Белого аиста», две рюмки.

— С кофе хорошо будет.

— Не спорю, — кивнула она, оправляя расстегнутую сверху кофточку.

— И Катька скоро придет, — виновато сказал он.

Она уже поняла, что стала жертвой его очередного эксперимента, который он почему-то не захотел довести до конца.

— Тебе что, не с кем больше играть? — обиженно спросила она.

— Почему играть? — отвел он в сторону глаза.

— Да потому, что жизнь для тебя игра...

— А для тебя весь мир — театр.

— Угадал. И я с тобой играла... Только не подумай, что я повелась. Ты хоть и Катькин брат, но на самом деле меня от тебя тошнит... Все, гуд-бай!

Она уходила от него, как будто спасалась бегством. Ушла, но не совсем понятно, спаслась или нет. Уж точно не было у нее того чувства, которое возникло, когда она избавилась от Адама.

ГЛАВА 2

Знакомство с девушками только на первый взгляд кажется несложным занятием. Вроде бы все просто — если есть в тебе наглость, задор и острый язык, смело иди вперед, ломай преграды на своем пути. Способов много, можно начать с самого простого, так называемого метода поручика Ржевского: «Девушка, я вас хочу и буду!» За это можно по морде схлопотать, а можно и сразу под юбку, в самую гущу сексуальных приключений.

Никита знал много других, менее наглых, но таких же эффективных приемов соблазнения. Он многое постиг в науке совращения и не считал ее сложной и уж тем более непостижимой. Но загвоздка в том, что путь к девушке для него начинался с дилеммы: «Надо или нет?» И, увы, не всегда ответ был положительным.

Женщины делились для него на четыре категории. Первая — «столько не выпить». Вторая — «неплохо под пиво». Третья, самая редкая, — «секс, и никаких гвоздей». И четвертая, несуществующая, — «хочу всегда, хочу везде». С первой категорией он и не хотел, и не мог. Со второй — хотел, но не всегда мог. С третьей — и то, и другое с большим, но одноразовым знаком «плюс». Ну а с четвертой — пока пробел, похожий на знак «минус» и тем самым определяющий его порочную суть отношения к женщинам...

— Никита, познакомься, это Белла!

Катя смотрела на него с надеждой на похвалу. Как же, такую красоту ему привела. Как будто он в ком-то нуждался. Да и девушка так себе. Вроде бы симпатичная, вроде бы все при ней, но как ни крути, а более чем «под пиво» не тянет. Впрочем, сегодня у сестры день рождения, вечеринка будет по этому поводу, гости уже собираются. И пиво будет, и водочка...

— Это настоящее имя? — спросил он.

Церемониться с этой дивой не хотелось, но и грубить ей вовсе не обязательно. А ведь он очень близко подошел к черте, за которой начинается бескультурие. Новая институтская подруга сестры не отличалась изысканностью в одежде. Вроде бы и платье на ней дорогое, и летние ботфорты из тончайшей кожи, но выглядела она вульгарно, как ресторанная проститутка. И он ей на это намекнул.

— Почему мое имя может быть ненастоящим? — удивилась она.

— Потому что ты на лермонтовскую Бэлу похожа, — нашелся он. — Такая же тоненькая, большеглазая и пышноволосяя...

Книжная Бэла была еще и черненькой, нерусской. А эта — крашенная блондинка типичной славянской внешности. Вроде бы и хороша собой, но какая-то аморфная... А ведь Печорин любил Бэлу, когда она была дикой. И как она ему наскучила, когда она стала любящей и домашней... Впрочем, и эта скоро наскучит...

— Вот я и подумал, что ты нарочно так назвалась.

— Нет! — просияла Белла. — Это папа меня так назвал!

— Прекрасно. И я тебя так буду звать, если ты не против.

— Нет.

Она сама прильнула к нему, двумя руками взявшись за его локоть. Прикосновение чувственное и даже электризующее. Оказывается, девочка вполне...

— А лет тебе сколько?

— Восемнадцать. А что?

— Я думал, меньше...

Никита врал. Белла выглядела старше своих лет, но это скорее из-за неоправданно толстого слоя косметики. А тело у нее юное, и ручки нежные-нежные...

— Может, пойдём послушаем музыку? — спросил он.

Дешевый зазывающий трюк для начинающих. Но что поделать, если не было у него настроения тратить слова. Да и к чему, если девушка и без того созрела... А если нет, то он сделал все, что мог, для поддержания знакомства. Все, что мог, в пределах своего не самого радужного настроения...

Гости только собирались. Катины подруги, друзья,

Томится душенька на зоне

многих Никита знал лично, но говорить ни с кем не хотелось, и уж тем более развлекать. Поэтому он с удовольствием закрылся с Беллой в своей комнате.

Девушка очень быстро перешла на язык тела. А он был совсем не прочь подтвердить теорию соблазнения, созданную им путем теоретических и эмпирических изысканий. Не хотелось упускать возможность пообщаться с Беллой на языке прикосновений.

Она легко позволила зарыться носом в свои волосы, гладить пальцами шею и щеки. Значит, девушка готова к поцелую. Так и оказалось. Целовалась она сочно, вылизывающе; немудрено, что Никита почувствовал еще больший прилив сил и настроения... Если девушка позволяет гладить себе живот и спину, значит, ее можно трогать за грудь. Никита еще раз в том убедился на опыте с Беллой, равно как и в том, что после поглаживаний верхней внутренней части бедра девушка готова раздвинуть ноги...

Музыка в комнате играла громко. Катя не могла слышать, как подпевала Белла, но Никиту она встретила осуждающим взглядом.

— Кобель! — тихо сказала она. И уже громче: — Все уже за столом!

И не только Катя смотрела на него осуждающе. За столом он увидел Женю, ее подругу. Красивая, свежая и ароматная, как цвет черемухи. Даже сейчас, после интенсивного знакомства с Беллой, она заслуживала особого внимания с его стороны.

Никита приветливо помахал ей рукой, но Женя, поджав губы, придвинулась к своему кавалеру. Это был тот самый парень, которого он отогнал от нее неделю назад. И какого черта он здесь делает?..

В расстройстве чувств Никита сел за стол, молча налил себе в рюмку водки и выпил бы, если бы не нарвался на отрезвляющий взгляд сестры. Рука с бутыл-

кой потянулась к следующей рюмке, обошла весь стол. А ведь он мог бы выпить и в одиночестве. Что это на него нашло? Неужели из-за Жени?..

А ведь он был очень близок к тому, чтобы уложить ее в постель. Но помешали условности, комплекс, который сложился в их отношениях. Белла тоже была Катиной подругой, но это не помешало Никите распаковать ее. Женя — другое дело, он знал ее семилетней девчонкой. Он мог бы положить ее на диван, но как бы он потом смотрел ей в глаза... Но ведь ее может уложить тот же Адам. Она девчонка взрослая, и опыт определенный наверняка имелся...

Катя пристально смотрела на брата, но он этого не замечал. Белла легонько толкнула его в бок, только тогда он пришел в себя. Родители на даче, сейчас он для Кати ближайший родственник, и ему первому говорить тост. А он сидит как в воду опущенный... И вообще, как Белла оказалась рядом с ним? Она же в комнате оставалась. Он должен был заметить, как она присоединилась к нему за столом. Но нет, задумался, упустил момент...

Никита поднялся, весело, но с отрешенностью во взгляде посмотрел на Катю.

— Ну, за твои шестнадцать лет, сестренка! Удачи тебе, счастья, всего хорошего...

— Ну спасибо тебе, братишка! — с улыбкой, но сквозь зубы поблагодарила его Катя.

А потом, когда он зашел в свою комнату, к окну, покурить, ушипнула его — сначала пальцами, за ухо, а затем и словом.

— Что с тобой, в Беллу влюбился?

— Смешней ничего не придумала?

— Вспомни, какие ты раньше тосты произносил...

— Да чего тут вспоминать, я и сейчас могу, — пожал он плечами.

Томится душенька на зоне

Есть, конечно, его вина в том, что настроение упало ниже плинтуса. Но как бы то ни было, вдохновения нет, и пылкие речи отдыхают.

— Ты все свое могу на Белку потратил... Ну ты и кобеляка у меня, братишка.

— Почему кобеляка? Женьку твою не трогал...

— Еще б ты ее трогал. С Женькой — это как со мной, все равно что сестру родную...

— Это ты так думаешь. И меня так думать заставляешь, — раздраженно сказал Никита.

— Кто заставляет? Я?! Эй, что с тобой? Куда тараканы твои бегут? На Женьку?! — удивленно и проясненно посмотрела на него сестра. — Слушай, а ты не влюбился?

— В кого? В Женьку?! — возмущенно протянул он. — Шутишь?

— Ну не знаю, не знаю... Может, тебе интересно знать, что за парень у нее?

— Да, хотел спросить, что за морда с ней сидит?

— Прямо уж и морда... Ну, не красавец, конечно. Зато «Мерседес» «четыреста двадцатый» свой...

— И что?

— И квартира своя с видом на Кремль... Отец у него крупный чиновник в правительстве.

— Да хоть сам Ельцин, тебе не все равно?

— Ну, ты знаешь, я бы от такого жениха не отказалась. Но раз уж он Женьке достался, она не глупая, она своего шанса не упустит. И правильно сделает...

— Я тоже со многими гулял, но ни на ком еще не женился...

— А Женька ему не даст без этого. Я-то знаю...

— Знаешь? Она что, не может просто так?

— Ну, не знаю... Был у нее Игорь, с ним она гуляла. Но у них любовь была. А с этим Адамом какая любовь? Она его терпеть не может...

— Что за Игорь? — вскинулся Никита.

— Тебе не все равно? — ехидно посмотрела на него Катя.

— Да все равно...

— А мне кажется, что нет.

— А мне, например, кажется, что гости без тебя заскучали.

Катя ушла, а Никита остался стоять у открытого окна. Он закурил вторую сигарету, когда в комнату вошла Белла.

— Что делаешь? — спросила она с пикантными нотками в голосе.

Похоже, девушка всерьез считала, что если переспала с ним, то права на него ей обеспечены. Как будто не знает, что мужчина — как банный лист — сначала клеится, а потом смывается.

— Стою на своем... Оказывается, это больно, — усмехнулся Никита и сел на подоконник.

— Пошляк, — улыбнулась она.

— Эротический шутник.

Белла подошла к Никите, положила руки ему на колени, обласкала его чувственным взглядом.

— А мне понравились твои шутки. Поехали ко мне? У меня родители тоже на даче...

— Мне твои шутки тоже нравятся...

Не хотел он с ней никуда ехать. Вот если бы к Жене, вместе с ней и без Адама.

Женя как будто почувствовала, что Никита подумал о ней. Вошла в комнату.

— Ой, я, кажется, некстати, — язвительно улыбнулась она.

— Да нет, кстати...

Никита отпрянул от окна, чуть ли не силой оттолкнув от себя Беллу. Не позволил Жене уйти, взял ее за

Томится душенька на зоне

руку, посадил в кресло под карикатурный портрет Козьмы Пруткова.

— А мы здесь с Беллой путешествуем, — выдавливая из себя веселье, сказал он.

— Это как? — вымученно улыбнулась Женя, не без ревности глянув на Беллу.

В этот же момент в комнату вошел Адам, которого сюда никто не звал. Но ему было все равно, приглашали его или нет. Похоже, он везде привык чувствовать себя как дома. Он молча подошел к Жене, встал возле ее кресла, как страж подле своей собственности.

Никита попробовал определить его психологический тип. Похоже, темперамент у него флегматический. Среди знакомых он, скорее всего, активный и разговорчивый, но в чужой для него компании он предпочитает молчать и наблюдать. Но стеснительным человеком его никак не назовешь. Нехороший у него взгляд, и губы неприятно искривлены. Недобрые мысли бродят в его голове. Такой тип, как у него, характеризуется малой подвижностью нервных процессов. Но это вовсе не значит, что парень тяжел на подъем. И сами эти процессы отличаются постоянством и силой. Если Адам задумал какую-то подлость, он не отступится от своих планов, обязательно доведет их до конца... Неприятная личность. Не хотел бы Никита иметь в друзьях такого человека.

— На Земле кружимся, вокруг Солнца, — продолжал он. — Скорость, кстати сказать, приличная. Что-то около ста тысяч километров в час...

— На Земле? — хмыкнул Адам. — Вокруг Солнца?! Ну ты и клоун... Да мы с Женей лучше на «мерсе» поедем, на двести в час...

— Кого ты клоуном назвал? — не сразу, но слишком решительно отреагировал Никита.

Сам он был сангвиником. Подвижный, сильный и